УДК 94 (573)

Токмаков Валерий Сергеевич – лаборант кафедры гуманитарных наук РБОУ ВПО «Амурская государственная медицинская академия» (г. Благовещенск). *Тел.:(4162) 31 90 53*

Valeriy Sergeevich Tokmakov –laboratory assistant of the humanities chair of RBOU VPO "The Amur State Medical Academy" (Blagoveshchensk).
Ph.: (4162) 31 90 53

V.S. Tokmakov

Law-breaking among the Amur and Ussuriysk Cossacks in the middle of XIX – the beginning of the XX centuries as the indicator of the moral state and the economic and social situation in the army

The article reviews the main types of offences ranging from contraband of spirit to the disciplinary offence committed by Cossacks. The author makes a number of conclusions about the morality of Cossacks.
Keywords: law-breaking (delinquency), contraband, courts, morality.

Правонарушения в среде Амурского и Уссурийского казачества в середине XIX – начале XX вв.

В статье рассматриваются основные виды правонарушений – от контрабанды спирта до дисциплинарных поступков, – которые совершали казаки. Автор делает ряд выводов о нравственном состоянии казачества.
Ключевые слова: правонарушения, контрабанда, суды, нравственность.

В отношении представителей казачьего сословия нередко распространены субъективные по своему содержанию точки зрения на их облик как в ментальном, так и в морально-нравственном отношении. От полубандитских сообществ, до беспрекословных исполнителей царской власти – такие оценки иногда можно встретить в отношении казачеств России, в том числе и дальневосточных, притом, что ментальность любой социокультурной общности представляет собой довольно сложное многомерное явление. Исследователи неоднократно подчеркивали, что верноподданнические установки в мировоззрении казаков сочетались с демократическим нравом, что во многом было обусловлено историческими особенностями зарождения и становления казачьих сообществ.

Через призму различных сфер повседневной деятельности можно определить многие стороны духовного развития членов казачьего

сообщества и уровень его социально-экономического развития. Рассматривая деятельность отдельных людей, можно установить некоторые тенденции, характерные для всего социального организма.

Очень интересным и малоисследованным, на наш взгляд, является аспект, связанный с правонарушениями в казачьей среде, которые влекли за собой определенную юридическую ответственность (в зависимости от степени тяжести и уровня того или иного правонарушения). Благодаря архивным документам официального характера мы имеем статистические данные и многие конкретные примеры совершаемых деяний. Зная общую ситуацию с преступлениями и различными проступками, мы можем судить не только об уровне дисциплины, состоянии морально-нравственного духа, но и о материальном положении многих казаков, так как именно экономический интерес или так называемая «нажива» часто являлась мотивом совершения преступлений.

Относительно нравственности забайкальских казаков (еще накануне переселения на Амур) в официальных отчетах утверждалось, что русские конные казаки кротки, миролюбивы и гостеприимны. Ситуация с дисциплиной и нравственностью среди пеших и казаков, набранных из числа бурятов, обстоит несколько хуже, отмечалось там же. Но вообще среди казачества убийства, грабежи и иные тяжкие преступления встречались очень редко. Так, в 1852 г. в войске было всего 4 убийства, а воровства и грабежей не зарегистрировано [1, с. 53]. Но исследователь истории Забайкальского казачества Н.Н. Смирнов критически оценивает данные статистики, так как многие виды преступлений не были засвидетельствованы. Ничего нет в отчетах о таких видах преступлений, как: ранение на почве ссоры или неосторожное обращение с оружием; угон скота; семейные и другие конфликты с избиением и увечьем [2, с. 45]. Тем не менее, ситуацию с нравственностью и законопослушностью казаков накануне переселения, по нашему мнению, можно считать удовлетворительной.

Известны случаи краж, жестокого обращения с подчиненными среди представителей забайкальского казачества уже в первые годы заселения Приамурья в середине XIX в. Так, в марте 1858 г. вахтер Усть-Зейского провиантского магазина Шанвтин был отстранен от должности и арестован. Причиной тому стала продажа тридцати четвертей казенной муки за 3 руб. серебром каптенармусу своей же роты [3, лл. 8-8 об.]. В навигацию 1860 г. зауряд-хорунжий Ефимов был сменен за постоянное нетрезвое состояние и жестокое обращение с людьми, что послужило причиной бегства последних с баржи [4, л. 2.].

Р.К. Богданов в своих воспоминаниях [5] приводит много критических, порой даже язвительных высказываний в адрес казачьего офицерства и проведения организации казачьего переселения на Амур. В частности, он утверждает, что Н.И. Хилковский, участвовавший в организации заселения Приамурья, брал взятки при выборе казаков для переселения на новые территории [5, с. 34].

Но преобладающих пороков в среде казачьего населения не замечалось, случаи преступления вообще были редки. Проступки, а также тяжбы казаков как между собою, так и с посторонними лицами в большинстве случаев рассматривались и решались станичными судами, число дел в которых было ограничено (записано в разделе о нравственности годового отчета Амурского казачьего войска (далее – АКВ) в 1890 г.). За это же время станичными судами рассматривались 95 тяжб между представителями воинского сословия и 95 – связанных с интересами коренных жителей и инородцев [6, с. 24]. Являясь одним из органов казачьего самоуправления, эти суды рассматривали правонарушения, не имевшие особой опасности: кражи; мошенничество; покупки заведомо краденного на сумму, не превышавшую 30 руб., обиды словами и действиями; побои без отягощающих последствий; пьянство; нарушения общественной тишины и спокойствия [7, с. 101]. Более серьезными делами занимались суды последующих юрисдикций, выходящих за рамки самоуправления на местах.

В АКВ в 1908 г. проступки и тяжбы казаков между собой и с иногородними лицами, проживавшими в станицах, в последнем случае по обоюдному согласию разбирались и разрешались, главным образом, станичными судами. Число дел, начатых и решенных, в отчетном году было 397; дел, подлежащих разбору окружного суда, – всего 11, а у мировых судей – 78 [8, л. 10 об.]. Наибольшее количество дел в судах всех указанных юрисдикций рассматривалось: в Кумарском станичном округе – 128 (105 – в станичных судах, 22 – у мировых судей, 1 – в окружном суде); в Екатерино-Никольском – 74 (все рассмотрены станичными судами) и Михайло-Семеновском станичном округе – 97 (64, 30 и 4, соответственно). В отчете утверждалось, что на понижение нравственности казаков заметно повлияли: присутствие ссыльных каторжан, рабочих команд в районе проведения колесной дороги; увольнение арестантов, отбывших наказание, с разрешением проживать в станицах [8, с. 11.]. Вероятно, по мнению автора источника, именно влияние этих категорий населения и способствовало достаточно большому количеству дел по вышеуказанным станичным округам (относительно остальных).

Сложным был процесс формирования самого казачьего населения на новых территориях, особенно в первые годы заселения приграничных районов юга Дальнего Востока России. Разнородный состав населения косвенно или в отдельных случаях напрямую влиял на ситуацию с правонарушениями. «Зажиточных и хороших хозяев пошло немного: всякий же бездомный или домовитый, но плохо живший в Забайкалье, шел на Амур наемным охотником, внося с собой в новый край лень к работе и апатию. Понятно, что слабосильное население, потерпев на первых порах неудачи, совершенно опускало руки», – пишет в своих воспоминаниях участник казачьего заселения региона, полковник Оверин [9, с. 7].

Многое известно о вносивших безнравственное поведение в казачью среду о штрафованных нижних чинах, которые расселялись в казачьих

семьях в качестве помощников и были прозваны «сынками». Только прожив два года в семье казака, «сынок» обретал право на самостоятельное ведение хозяйства, несмотря на то, что многие из них занимались воровством, страдали алкогольной зависимостью, часто не могли обработать собственный земельный надел. Казак-хозяин не имел права наказывать его по своему усмотрению, а только лишь с разрешения наказного атамана по команде [10, с. 43].

Н.М. Пржевальский, побывав на Амуре, отмечал преобладание разнородных и малоимущих категорий населения в противовес крепким хозяевам. «Здесь можно видеть и лакея прежних времен, сданного барином в солдаты за какие-либо художества, и мастерового с казенного завода, и поляка, попытавшегося дезертировать за границу, но пойманного по дороге, проворовавшегося жида, петербургского мазурика, недоучившегося семинариста и т. д.» [11, с. 250].

О качественном составе казачьих офицеров писал известный ссыльный, декабрист Д.Н. Завалишин. Он отмечал, что при формировании значительной массы войск всегда затруднен набор офицеров, в результате чего туда принимаются люди без особого разбора. По его мнению, не так страшна данная ситуация, когда речь идет о подготовке к военным действиям, нежели о мирном времени, когда во власти невежественного командира может оказаться большое количество людей [12, с. 85].

Поливариантность формирования состава населения казачьих войск из числа бывших крестьян, горнозаводских рабочих, ссыльных ставила задачу формирования целостной в духовно-ментальном плане общности казаков, что, в свою очередь, было делом не одного десятка лет, и это невозможно было сделать усилиями одного-двух поколений. Лишь потомки бывших пахарей и промышленных работников могли стать истинными воинами и земледельцами с преобладанием ценностных установок на верную службу Отечеству, отличных от родительских.

Однако вместе с тенденциями, способствовавшими приросту нежелательных элементов в войсках, имели место и тенденции к убыли малодисциплинированного и слабого в хозяйственном отношении населения. Упомянутые ранее штрафники в 1879 г. получили право вернуться на Родину, три четверти из них им воспользовались [10, с. 43]. Убытие последних (в той или иной степени) способствовало улучшению положения с правонарушениями в войсках.

Офицеры полка в общей массе в нравственном отношении, как сказано в годовом отчете Амурского казачьего полка за 1913 г., стоят высоко, так как весь отрицательный элемент убыл из полка до отчетного года: частью – добровольно, частью – принудительно. Что же касается рядовых казаков, то большинство из них еще до поступления на службу были втянуты в употребление спиртных напитков. Близость границы приучила их к контрабандному промыслу. «Контрабанда – этот «бич» населения – является в глазах этого населения выгодным спортом». С нормативно-правовых позиций такой подход расшатывал понятие о законности, появлялось

убеждение, что все возможно, если ловко проделано. Тем не менее, дисциплина казаками, по заключению того же источника, нарушалась в исключительных случаях. Большинство проступков совершались в пьяном виде. В отчетном году судилось 24 человека. Из них: за самоволки – 10, за нарушение караульной службы – 1, за нарушение благочиния – 9, за преступления против собственности – 4 [13, л. 2.].

Например, казак из поселка Софии-Алексеевского Гродековского станичного округа Уссурийского казачьего войска Сергий Ларионов (19 лет) приговором Владивостокского окружного суда от 1 августа 1908 г., был признан виновным в провозе контрабандного спирта через границу и водворении его на российской территории в количестве 9 пудов. Подвергнут: заключению в тюрьму сроком на четыре месяца; удалению за пятидесятиверстную полосу из своего поселка, сроком на один год; уплате денежной пени в размере 720 руб. (совместно с другим обвиняемым), а в случае несостоятельности – мог быть заключен в тюрьму еще на один месяц.

«Так карает закон нарушителей», – говорит в своем слове судья. Казалось бы, любители «наживы», занимаясь позорным делом незаконного провоза спирта, должны призадуматься. Последствия этого поступка не исчерпывались лишением свободы виновного, возможным разорением хозяйства, а также нахождением в тюрьме с представителями различных асоциальных элементов. «Пребывание в тюрьме должно положить на человека, особенно несовершеннолетнего, каким является Ларионов, неизгладимые последствия: после тюрьмы и годичного пребывания вне семьи он едва ли может возвратиться домой как достойный член общества, честный воин, дорожащий честью своего войска казак. Не говоря уже о семье обвиняемого и его родителях, на которых также ляжет тяжелый позор. Ибо они виноваты, что не сумели или не хотели приготовить детей своих к честной трудовой жизни» [14, л. 46.], – сказано в источнике. Учитывая сильную составляющую патриархального уклада в повседневной жизни казачьих семей и общинного компонента в ментальности казаков, можно предположить, что такая ситуация действительно могла в значительной степени повлиять на восприятие этой семьи глазами общества.

Полковым судом рассмотрено дело казака 3-й особой сотни УКВ Василия Степановича Попова, преданного суду Наказным атаманом войска по обвинению в контрабанде спирта китайского производства. Попов был задержан 30 января 1915 г. на Иманской таможенной заставе при попытке провести 13 половин бутылок спирта весом в 9 фунтов, был приговорен к денежному штрафу, при невыплате которого ему грозило заключение в 10 суток [14, л. 155.].

Правосудие в отношении контрабандистов спирта занимало дифференцированную позицию, мера наказания зависела от категории правонарушения и масштаба нанесенного ущерба. Большое количество дел в этой сфере было обусловлено: во-первых, большим спросом на алкогольную продукцию среди казачьего населения, которое нередко злоупотребляло горячительными напитками; во-вторых, невозможностью производства вина

и других видов алкоголя на основе местного сырья. В Амурской области до середины 1887 г. действовал водочный завод купца Вершинина, который занимался только очисткой вина. Во Владивостоке к 1913 году появилось еще 2 небольших завода: водочный и водочно-ликерный. Более или менее доброкачественные спиртные напитки и вина привозились на Дальний Восток России из Европейской части страны. По примеру хабаровского купца А.И. Хлебникова уссурийские казаки сами начали изготовлять вино из местного дикого винограда, но оно не переносило длительного хранения и перевозки, поэтому употреблялось на месте производства [15, с. 55], в то время как большой популярностью пользовался китайский спиртной напиток – ханшин, изготавливаемый маньчжурами, проживавшими на русской территории [16, с. 52]. По некоторым подсчетам, в 1910-е гг. одна казачья станица ежегодно потребляла, в среднем, около 3 тыс. ведер спирта на сумму не менее 2 млн. руб. [17, с. 116]. Спрос в данной ситуации порождал предложение в алкоголе низкого качества, в том числе изготовляемого на основе контрабандного спирта из Китая.

Правонарушения экономического характера также включали в себя кражи различных материальных ценностей: от мелкого воровства до использования служебного положения с целью присвоения денежных средств.

В фондах Государственного архива Амурской области содержатся материалы следствия, заседаний суда (1888, 1894 – 1895 гг.) в отношении урядника Т. Молотова о присвоении денег, вырученных от торговли в ренсковом погребе, полученных им от сидельца Екатерино-Никольского погреба [18, лл. 6-6 об.]. Мы видим один из примеров правонарушения экономического порядка, связанного с использованием служебного положения.

С разрешения прокурора Владивостокского окружного суда по Хабаровскому участку от 28 февраля 1915 г. предан суду бывший писарь Бикинского станичного правления УКВ, казак Степан Евдокимович Быков. Обвинялся он в том, что, состоя с 1907 по 1913 гг. включительно в означенной должности и заведуя находившимся при станичном правлении складом земледельческих орудий, получил от подведомственных ему казаков 333 руб. 23 коп. в пополнение недоимок и за взятые в склад машины, деньги же были обращены в свою пользу [14, л. 67].

После заключения военного прокурора был предан делу Приамурского военно-окружного суда казак команды парохода «Казак-Уссурийский» Иван Бровченко. Обвинен был в том, что 20 сентября 1913 г., находясь в составе команды парохода, во время пути на участке между Хабаровском и Иманом, зайдя в каюту командира парохода, открыл находившийся там шкаф и похитил из него шкатулку с денежной суммой в размере 602 руб. 20 коп. Деньги, принадлежавшие войску, до того момента так и не были разысканы [19, л. 19.].

Но и сами казаки становились объектами совершаемых в приграничных районах преступлений. Козловский станичный атаман (УКВ)

телеграммой от 24 декабря 1900 г. донес, что недалеко от поселка Нижне-Михайловского, на китайской стороне, убит гольдом казак Алексей Авдеев, отправившийся вместе с убийцей за свиным мясом, купленным у гольдов же. В то же время, Платоно-Александровский станичный атаман сообщил, что 4 казака поселка Комиссаровского под командой Максима Вологина, уволенные с разрешения начальства на охоту за границу, подверглись нападению шайки хунхузов, численностью в 20 чел. Вызванные открытой по ним стрельбой китайцев вступили с ними в перестрелку, продолжавшуюся около часа, в конце концов, они заставили банду разбежаться, оставив одного китайца на месте и забрав 154 патрона и одну шашку.

Для устранения происшествий, подобных тем, что имели место в поселке Нижне-Михайловском, временно исполняющий обязанности Наказного атамана, полковник Копейкин предписал поселковым и станичным атаманам следить за тем, чтобы казачье население впредь до особого распоряжения в глухие и удаленные от поселений места выезжало вооруженное винтовками с достаточным числом патронов. За границу же ходило не иначе, как партиями по нескольку человек и с разрешения атаманов. Он же от лица войска объявил благодарность казаку Максиму Вологину с товарищами за отважный поступок [14, л. 12 об.].

Частые появления шаек хунхузов в наделах станицы Полтавской в 1915 г., когда развитие событий дошло до нападения на саму станицу и станичное правление, вполне подтверждают неоднократно высказанное мнение, что хунхузов, контрабандистов, конокрадов и других криминальных элементов китайской национальности порождают сами жители станицы, способствуя этому поголовной сдачей земель китайским арендаторам, наймом китайцев рабочими (нередко безбилетных бродяг) и укрывательством опийного промысла, производящегося на казачьих заимках, – пишет в одном из своих Приказов 26 октября 1915 г. Наказной атаман УКВ [19, л. 27]. Подобные явления нашли отражение и в художественной литературе. Так, в романе К. Рожкова «Уссурийцы» китаец Ли, работавший на участке казачки Анастасии Роговой, занимался выращиванием многих культур, в том числе и мака [20, с. 54].

Ухудшение обстановки с преступностью в сфере взаимоотношений русских и китайцев в приграничье на рубеже веков было обусловлено некоторым обострением отношений между ними вследствие событий 1900 – 1902 гг., связанных с военными конфликтами между сторонами и ликвидацией в Приамурье так называемого «маньчжурского клина» – места компактного проживания подданных Цинской империи. Также этому способствовало развитие делового сотрудничества между русскими и китайскими подданными, товарноденежных отношений в пореформенной эпохе истории России, когда складывались казачьи сообщества. Оно имело и оборотную сторону – рост числа правонарушений различной степени тяжести, мотивом совершения которых было стремление к получению материальной выгоды. Последняя тенденция характерна для всех обществ, развивающихся по капиталистическому пути, наряду с бурным развитием

предпринимательства увеличивается и число преступлений, которые служат средством решения экономических задач и хозяйственных споров.

Неоднократно встречались и нарушения служебного устава служащими. Решением Полкового суда от 9 мая 1915 г. казак 3-й особой сотни УКВ Авраам Григорьевич Дергач был заключен под арест сроком на 5 недель с пребыванием на хлебе и воде в наказание за неисправное дурное поведение, проявлявшееся в пьянстве и самовольных отлучках с места службы [14, лл. 91 об. – 92.].

19 апреля 1914 г. временный Военный суд в г. Хабаровске заслушал дело казака Уссурийского казачьего полка Алексея Недорезова. Суд признал его виновным в том, что, будучи посыльным при карауле Штаба Приамурского военного округа, 12 ноября 1913 г. в г. Хабаровске самовольно отлучился из караульного помещения около 8 часов вечера и отсутствовал до 11 часов вечера того же числа; также в том, что, прибыв в казарму первой сотни Уссурийского конного полка и имея при себе шашку, тайно с целью присвоения взял с койки приказного той же сотни Шаляпина принадлежавшую последнему одну пару сапог, которую спрятал во дворе штаба округа. Затем, по обнаружение всего, эти сапоги были возвращены приказному Шаляпину. Помимо всего прочего, казак Недорезов был исключен из военной службы, лишен воинского звания и отправлен в тюрьму для отбывания заключения сроком в 1,5 года [21, л. 116 об.]. Столь суровый приговор можно объяснить совокупностью нескольких эпизодов противоправной деятельности, в том числе и против старшего по званию. Вероятно, был и субъективный подход к утверждению данного приговора.

Из произведенного дознания, представленного Наказным атаманом Уссурийского казачьего войска, выяснилось, что командир 6-й особой сотни, подъесаул Жигалин в бытность его командиром 3 особой сотни в январе 1915 г., не установив виновного в загрязнении дорожки, идущей от квартиры командира сотни в казарму, в течение 5 суток ежедневно ставил под ружье в течение 2-х часов каждого десятого человека в сотне. Не стесняясь морозами и ветрами, выдерживал иногда по 20 казаков под ружьем по 2 – 4 часа; не принимая мер увещевания, подвергал дисциплинарному взысканию буквально всех казаков сотни. Также не наблюдал за подчиненным ему подпрапорщиком Шлыковым, который ставил казаков под ружье ночью. Подпрапорщик Шлыков: поставил под ружье 3-х казаков ночью между 3 и 5 часами; оскорблял национальные чувства казаков; являлся в казарму в нетрезвом виде. Подъесаул Жигалин и подпрапорщик Шлыков были арестованы на 20 и 30 суток гауптвахты, соответственно [14, л. 157.]. Необходимо отметить, что злоупотребление властью командира над подчиненными могло быть обусловлено муштрой повседневной воинской службы, вследствие чего на ее основе акцентуировались те или иные психологические процессы. Вовлечение в противоправное действие большого количества подчиненных влекло за собой нарастание масштаба происходившего.

Дисциплинарные проступки в любом воинском сообществе представляют собой определенное явление в повседневной практике службы, не будучи при этом весомым, «разлагающим» фактором. Таковыми они могут быть, если приобретают массовый характер. В рамках заявленной темы мы наблюдаем первый вариант.

Проанализировав имеющийся у нас архивный материал, включающий в себя документы различного характера, мы можем сделать вывод о невысоком уровне правонарушений в среде амурского и уссурийского казачества в период с середины XIX – начало XX вв. в количественном и качественном соотношении. Критически осмысливая источники, сопоставляя информацию, отраженную в официальных документах, с возможной действительной картиной, тем не менее, можем наблюдать общие тенденции в работе судов различных инстанций. Большинство дел рассматривались в нижестоящих станичных судах, в которых не могли быть рассмотрены тяжкие преступления. А перечень совершаемых преступлений: контрабанда, кражи, нарушения режима несения воинской службы, присвоение денег должностными лицами – говорит более о бытовом характере правонарушений, нежели о широко распространенной преступности.

Нравственность казачьего населения была на достаточно высоком уровне, опиралась на традиции повседневной жизни, общинный уклад, ментальные и ценностные установки, где немалую роль играли представления о воинской чести, доблести, отваге.

Экономический интерес реализовывался, главным образом, в занятии различными видами промыслов, арендой земель; за счет контрабандной и другой преступной экономической деятельности пыталось решить свои проблемы лишь очень небольшое количество людей, фактов, подтверждающих обратное мы не находим в архивных документах (и те могли быть объяснены не одними материальными потребностями, но и девиантным поведением отдельных личностей).

Казачество, являясь важным элементом в структуре населения Российского юга Дальнего Востока России, играло большую роль как в охране государственной границы, так и в хозяйственном освоении края. В процессе становления одних из самых молодых казачьих войск – амурского и уссурийского – наблюдались различные тенденции развития человека и сообществ, но, в целом, дальневосточные казачьи войска, пройдя сложный путь в своем становлении, сохранили на достаточно высоком уровне свой морально-нравственный облик и выполнили большинство своих служебных обязательств.

Литература и источники:

1. Васильев, А. П. Забайкальские казаки. В 3-х т. / А. П. Васильев // Репр. воспроизведение издания 1916 – 1918 гг. – Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», 2008. – Т. 3. – 329 с.

2. Смирнов, Н. Н. Забайкальское казачество / Н. Н. Смирнов. – М. : Вече, 2008. – 544 с.

3. ГАЗК. – Ф. 30. – Оп. 2. – Д. 200.

4. ГАЗК. – Ф. 30. – Оп. 2. – Д. 288.

5. Богданов, Р. К. Воспоминания амурского казака о прошлом: с 1849 по 1880 гг. / Р. К. Богданов // Амурские казаки в 2-х т. – Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», 2008. – Т. 2. – С. 5 – 162.

6. Годовой отчет Амурского казачьего войска за 1890 год. – Благовещенск : типография войскового правления АКВ, 1891. – 234 с.

7. Коваленко, А. И. Казачье самоуправление на восточных окраинах России / А. И. Коваленко // Социум и власть. – 2009. – № 2. – С. 101.

8. Годовой отчет Амурского казачьего войска за 1908 год. – Благовещенск : типография войскового правления АКВ, 1909. – 87 с.

9. Оверин, А. Н. Вниманию амурских и уссурийских казаков / А. Н. Оверин. – Хабаровск, 1912. – 60 с.

10. Коваленко, А. И. Культура казачества восточных окраин России (XVII – начало XX вв.) / А. И. Коваленко. – Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», 2008. – 208 с.

11. Пржевальский, Н. М. Уссурийский край. Новая территория России / Н. М. Пржевальский // Вестник Европы. – СПб., 1870. – Т. 3. – № 5. – С. 247 – 264.

12. Завалишин, Д. И. Амурское дело и его влияние на Восточную Сибирь и государство / Д. И. Завалишин // Русская старина. – СПб., 1881. – Т. 32. – С. 81 – 96.

13. ГАХК. – Ф. И-199. – Оп. 1. – Д. 1.

14. ГАХК. – Ф. И-286. – Оп. 1. – Д. 5.

15. Устюгова, О. А. Торговля спиртными напитками у казачества юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / О. А. Устюгова // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Сб. науч. статей. – Вып. 3. – Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2011. – С. 52 – 57.

16. Устюгова, О.А. Развитие торговли у казачества юга Дальнего Востока России в середине XIX в. / О. А. Устюгова // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Сб. науч. статей. – Вып. 2. – Хабаровск, 2009. – С. 50 – 55.

17. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Н. И. Дубинина. – Хабаровск : ИД «Приамурские ведомости», 1997. – 245 с.

18. ГААО. – Ф. 15-и. – Оп. 1. – Д. 93.

19. ГАХК. – Ф. И-286. – Оп. 1. – Д. 42.

20. Рожков, К. А. Уссурийцы: историческое повествование в двух частях / К. А. Рожков. – Хабаровск : ИД «Приамурские ведомости», 2005. – 354 с.

21. ГАХК. – Ф. И-286. – Оп. 1. – Д. 36.